

Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

ИМЯ И ВЛАСТЬ

ВЫБОР ИМЕНИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

ББК 63.3(0)4
У 77

Успенский Ф. Б.

У 77

Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 160 с. – (Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-7859-0208-7

Эта книга посвящена тому, как выбирались имена для членов королевского рода в средневековой Скандинавии. До конца XIII в. выбор имени в Скандинавии остается важнейшим регулятором сложных и подчас чрезвычайно запутанных династических отношений. История имени в эту эпоху – это история сосуществования христианства и язычества, история борьбы за власть, история союзов и противостояний, разделов и объединений, – словом, едва ли не вся история полуострова.

ББК 63.3(0)4

В оформлении обложки использованы миниатюры и фрагменты текста из следующих рукописей:

«Законоуложение Магнуса Эрикссона» — раздел «О заключении брака» (Giftermålsbalken), сер. XIV в.;

«Руководство» (Stórn) — древнеисландское переложение отдельных глав Ветхого Завета AM 227 fol., листы 23 v, 33 v, кон. XIII в.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0208-7

9 785785 902084 >

© Ф. Б. Успенский, 2001
© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Предисловие	9
I. Свое и чужое имя в королевском роду	15
II. Рождение бастарда — рождение образца (Олав Святой и Магнус Добрый)	21
III. Бастарды и самозванцы (Признанные и непризнанные обладатели имени Магнус) ...	27
IV. Бастарды и «маменькины сынки» (Магнус Эрлингссон и Свейн-Магнус Астридссон)	43
V. Бастарды и прямые наследники (Энунд-Якоб и его единокровный брат Эмунд)	57
VI. Имя и род, имя и титул, имя и судьба	69
Послесловие	81
Примечания	85
Сокращения и список цитируемой литературы	121
Генеалогические таблицы	131
Указатель имен исторических лиц и персонажей	139

ОТ АВТОРА

Цитаты из источников чаще всего даются параллельно на русском языке и языке оригинала. Иногда мы считаем возможным ограничиться русским переводом с вкрапленными в него фрагментами оригинального текста или исключительно русским переводом. Ссылки на оригинальные тексты даны в сокращениях, которые расшифровываются в конце книги, в разделе «Сокращения и список цитируемой литературы». Везде, кроме специально оговоренных случаев, русский текст «Круга Земного» (Hkr.) и «Саги о Сверрире» (Sv.) приводится по изданиям [Круг Земной 1980] и [Сага о Сверрире 1988] без дополнительных ссылок на эти издания. Другие тексты, там, где не указан переводчик, даются в нашем переводе.

Автор выражает искреннюю признательность А. В. Бусыгину, Т. Н. Джаксон, Т. Польской, В. В. Рыбакову, Сванте Страндбергу и Б. А. Успенскому.

Особая благодарность — А. Ф. Литвиной; помощь, оказанную ею на всех этапах работы над книгой, трудно переоценить.

«*Man untersucht besser nicht das Wesen des Namens, sondern das Wesen der Namengebung...*»

[Keil 1931, 107]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое исследование посвящено роли имени собственно в истории средневековой Скандинавии. Прежде всего нас интересовало, как выбирались имена для членов королевского рода — удивительным образом, в выборе имени для наследника престола отразилась едва ли не вся история полуострова XI—XIII вв.

Этот период, непосредственно следовавший за крещением, на наш взгляд, является одним из самых ярких и значимых для скандинавской культуры. Христианское и языческое начала еще долго сосуществовали вместе и относительно мирно уживались друг с другом. Так, после крещения Скандинавии детей продолжали называть в честь их предков-язычников, уже будучи христианами, скандинавы получали, таким образом, *исконные, языческие* имена.

Языческие, родовые имена были чрезвычайно устойчивы, а выбор имени для ребенка подчинялся определенным правилам. Эти правила не были, разумеется, жесткими и безапелляционными, однако для того, чтобы войти в мир рода, ребенок должен был получить *родовое имя*. Выбор имени был событием историческим — имя почти всегда давалось в честь умершего предка, связывало ребенка с историей рода и передавало эту связь в будущее. Обычай называть потомка в честь умершего родича на много веков переживает веру в переселение душ и остается своеобразным реликтом подобных архаических представлений.

В первую очередь это касалось тех детей, которым предстояло стать наследниками, старшими в роду, в своем поколении. Их, как правило, называли в честь деда, прадеда, дяди или другого близ-

кого родственника по мужской линии. Иногда, в силу тех или иных причин, ребенок мог получить имя и в честь предка по материнской линии, побратима отца, друзей рода (а в некоторых исключительных случаях появление отдельных имен вообще невозможно объяснить родовыми связями). Однако наречение именем главного наследника изначально должно было устанавливать его связь с родом.

Особенно значимым делом был выбор имени в знатных родах и прежде всего в королевской семье. В христианскую эпоху имя во многом продолжает восприниматься как инструмент воздействия на судьбу. Участь отпрыска королевского рода, его шансы взойти на престол не в последнюю очередь зависят от того, получил ли он «правильное», надлежащее имя.

Говоря об именах скандинавских конунгов, невозможно не коснуться столь обширных и сложных проблем европейской истории, как порядок и принципы престолонаследия, судьба культа рода в Средневековье, взаимоотношения церкви и королевской власти, понятие законного рождения... Конечно, не может быть и речи о сколько-нибудь детальном освещении любой из этих проблем в рамках данной работы, но тема выбора имени является, на наш взгляд, своеобразной точкой схождения разноплановой исторической и филологической проблематики, «магия имени» позволяет взглянуть на все эти вопросы в единой перспективе, под одним углом зрения.

Итак, для семьи скандинавского конунга такое правильное имя было не просто родовым, а еще и династическим именем. Чем же *династическое имя* отличалось от *родового*? Родовое имя как бы подчеркивает и усиливает желательные для будущего наследника родственные связи. При выборе же династического имени должны быть учтены также и политические связи будущего монарха — кто из родичей, живых или умерших, может быть ему полезен по политическим соображениям. Существенно также, что в королевских семьях, помимо реальных предков, был целый сонм легендарных прародителей и родоначальников, связь с которыми могла оказаться не менее важной, чем с близкими родственниками. Кроме того, в Скандинавии довольно рано усваивается идея «родства» между европейскими правящими династиями. Иногда это «родство» воплощалось в реальных матримониальных связях, иногда же оно существовало на «виртуальном», легендарном уровне.

Можно сказать, что династическое имя, так же как и родовое, обеспечивало наследнику связь с его родом, только в королевский род оказывались включенными и ближайшие родственники, и мифические предки, и державные соседи. Важность понятия рода, родовых связей для монарха лишь усиливалась по сравнению с обычным человеком, но порой род мог трактоваться здесь расширительно. Благодаря этому династические имена оказываются, с одной стороны, даже еще более устойчивыми и консервативными, чем просто родовые, но, в то же время, именно они порой оказываются более проницаемыми для новшеств.

Выбор правильного имени для мальчика, сына монарха, оказывался, таким образом, делом чрезвычайно сложным и ответственным. Будущему наследнику было важно быть признанным придворными, тингом и дружиной — ведь скандинавский конунг в эту эпоху был не просто правителем государства, но в первую очередь военачальником, предводителем национального войска. Народное признание, легитимность его власти требовалась конунгу и при восшествии на престол, и всякий раз, когда он должен был вести за собой своих подданных. Упрощая дело, можно сказать, что конунгом становился тот, кто принадлежал к королевскому роду, был избран тингом и признан народом. В ситуации, когда был возможен выбор, сопоставлялись разные достоинства претендентов. Не последним из этих достоинств было правильно избранное имя. Правящий конунг, давая имена своим детям, по-видимому, всегда пытался определить их будущее, их династическую судьбу. Он обращался к тингу, ко всем своим подданным, на своеобразном «языке имен», и этот язык, несомненно, был понятен аудитории. Наследнику предстояло объезжать все тинги страны, добиваясь поддержки, и династическое имя помогало получить ее, ибо имя было знаком прямого волеизъявления предыдущего конунга.

Выбор будущего правителя, как правило, осуществлялся из нескольких возможных претендентов — членов королевского рода. Основание претендовать на престол в некотором смысле имели все потомки древних конунгов по мужской линии. В первую очередь речь идет, с одной стороны, о братьях царствующего конунга, а с другой стороны — о его сыновьях. Наследование королевской власти «по горизонтали» (от брата к брату) или «по вертикали» (от отца к сыну) оставалось практически равновероятным. Кроме

того, власть в стране могла перейти к единственному наследнику, а могла быть разделена между всеми претендующими на нее полноправными членами рода. В такой ситуации имя давало или не давало преимущество племяннику над дядей, брату над братом. Роль правящего конунга при определении будущего наследника была несомненно очень велика: как правило, он сам давал имена своим детям и именно он должен был решать, кто унаследует власть после него.

Во власти конунга было также признать или не признать родившегося ребенка своим сыном. Дело в том, что в Скандинавии еще долгое время после принятия христианства *побочные дети* — если они были признаны своими отцами — пользовались правами, немалого отличавшимися от прав *законнорожденных наследников*.

Вообще говоря, проблема законного рождения у скандинавов в языческую и христианскую эпоху оказывается весьма сложной и недостаточно исследованной¹. Очевидно, что в еще дохристианские времена проводилось определенное различие между детьми, рожденными от жен, и детьми, рожденными от наложниц, но при этом мы очень немного знаем о том, на каких основаниях жены отличались от наложниц. Известно, что в архаическом скандинавском праве проводились довольно тонкие различия между разными категориями побочных детей. Со времени принятия христианства, когда полностью определилось понятие законного, освященного церковью брака, стало более контрастным и противопоставление *законных и побочных детей*, различия же между разными группами незаконнорожденных постепенно стирались. В то же время, в Скандинавии признанный отцом внебрачный сын по-прежнему имел определенные права и занимал определенное место в роду отца. Эти права, в частности, явным образом были очерчены в различных скандинавских судебныхниках. Едва ли не у каждого конунга-христианина в Скандинавии были официально признаваемые побочные дети — общество и даже церковь относились к этому обстоятельству с редкой терпимостью. В ситуации борьбы за власть побочный сын конунга отнюдь не становился изгоем. То, какое имя выбрал для него отец, во многом определяло его шансы в этой борьбе.

Предполагаемый законнорожденный наследник почти всегда получал династическое имя, восходящее к временам язычества.

Христианские имена очень медленно входили в обиход, когда речь шла о законных отпрысках королевского рода. Побочные же дети правителя могли получать при рождении как династические, так и христианские имена.

Здесь необходимо отметить, что после принятия христианства **христианские имена** еще долго воспринимались в Скандинавии как **иностранные**. Действительно, первые десятилетия собственно скандинавских святых, носящих исконные, привычные имена, было еще очень немного. Церковь пришла сюда со сформированным корпусом личных имен, и все эти имена — будь они греческого, латинского происхождения или немецкого — никак не были включены в собственно скандинавскую систему родовых связей.

Иностранные, заведомо заимствованные имена встречались в скандинавском антропонимиконе и прежде, но они были весьма малочисленны. Традиционный именовал до сих пор никогда не испытывал столь массивного натиска инокультурных имен, причем, с одной стороны, эти имена были поддержаны авторитетом церкви, а с другой стороны, как уже говорилось, не имели никакого отношения к истории рода. **Христианские имена** усваивались медленно и так и не смогли окончательно вытеснить из обихода **исконные скандинавские имена**.

Имянаречение побочных сыновей конунга не требовало столь жесткой укорененности в родовой традиции, оно могло служить своего рода «полигоном», на котором испытывались различные нововведения. Именно благодаря побочным детям христианские имена, по-видимому, постепенно проникают в королевский род. При этом необходимо помнить, что и христианское имя всегда давалось ребенку неслучайно. Без преувеличения можно сказать, что в выборе имени для сына конунга всегда содержится попытка так или иначе определить его судьбу, его право на власть. До конца XIII в. имя в Скандинавии остается важнейшим регулятором сложных и подчас чрезвычайно запутанных династических отношений. История имени в эту эпоху — это история борьбы за власть, история союзов и противостояний, история разделов и объединений, в известном смысле, вся история Скандинавии.

Мы попытаемся выявить некоторые принципы в этой сложной игре имен — языческих и христианских, исконных и иностранных, собственно родовых и династических, попытаемся пронаблюдать, чем имя для законнорожденного отличается от имени для бастар-

да², как соперничают именами племянник и дядя, как имена участвуют в борьбе самозванцев за престол.

Мы попытаемся реконструировать, чем руководствовался тот, кто выбирал имя для ребенка королевской крови, и как его действия воспринимались современниками и потомками. Разумеется, в пределах одного исследования невозможно охватить историю всех королевских имен, тем более что в ней, как уже говорилось, нашли свое отражение все основные перипетии скандинавской истории в целом. Мы стремились выбрать несколько наиболее выразительных и значимых, на наш взгляд, ситуаций имянаречения и проследить наиболее общие модели выбора имени для потомка королевского рода.

СВОЕ И ЧУЖОЕ ИМЯ В КОРОЛЕВСКОМ РОДУ

После крещения Скандинавии основная масса христианских имен проникает на полуостров и становится неотъемлемой частью антропонимического фонда. При этом христианские имена существуют бок о бок с традиционными, исконно скандинавскими именами, унаследованными из языческого прошлого.

Подобное сосуществование языческих и христианских имен вообще характерно для стран поздней христианизации. В разных странах, в разных культурных традициях параллельное бытование двух именовсловов, естественно, происходило по-разному. Так, человек мог носить сразу два имени, христианское и языческое, и в одних культурных ситуациях фигурировать под своим мирским, языческим именем, а в других под крестильным, христианским. По-видимому, таким образом дело обстояло на Руси и отчасти в Дании. О сосуществовании и взаимодействии языческого и христианского антропонимикона в Скандинавии в целом известно сравнительно немного, но очевидно, что между Данией, Швецией и Норвегией существовали заметные различия. Не менее очевидно, однако, что в этих странах процессы усвоения христианских имен протекали синхронно и осуществлялись в едином культурном пространстве.

В настоящей работе появление в Скандинавии (и прежде всего в Норвегии) новых имен на первых порах после христианизации рассматривается под определенным углом зрения. Нас интересовал вопрос, как христианское (иностранное) имя попадает в обиход правящего королевского рода.

Среди членов норвежской династии (в особенности мужчин), управлявшей страной на протяжении всего Средневековья, усвоенное извне христианское имя — вещь относительно редкая. Так,

имена норвежских правителей с XI по XIV в. не похожи на имена других европейских монархов этого времени: большинство норвежских конунгов не обладает каноническим, церковно-календарным именем, общепринятым в христианском мире Западной Европы³. Имена подавляющего большинства норвежских конунгов — исконно скандинавские⁴. Кроме того, по преимуществу это имена, выделяющиеся своей принадлежностью к династической традиции, то есть с относительной регулярностью повторяющиеся в поколениях, характерные именно для этого рода в целом и признаваемые за таковые основной частью общества.

Отсутствие среди норвежских конунгов общепринятых христианских имен иностранного происхождения имеет под собой достаточно очевидные основания. Династическое имя было прежде всего знаком, непременным атрибутом власти, обладание им, как мы увидим позже, являлось необходимым условием для восшествия на престол. Наречение именем, унаследованным от того или иного царственного предка и дающим право на престол, всякий раз свидетельствовало о непрерывности самой династической традиции и обеспечивало единство рода. Поэтому система мужских имен, принятых в скандинавских правящих династиях, была в высшей степени замкнутой в себе, традиционной, консервативной.

Указанные характеристики значительно затрудняли доступ новых имен в династический именовослов. Тем не менее, иностранные антропонимы со временем появляются в обиходе правящего рода, хотя о массовом их проникновении говорить по-прежнему не приходится⁵. Как же это происходило? Каким образом усваивались христианские имена в королевском роду? Что в каждом конкретном случае побуждало членов рода отказаться от традиционного имени в пользу нового, иностранного, не просто не укорененного в обиходе этой семьи, но нарушающего сложившийся порядок именовослова и исподволь расшатывающего династические устои?

Поставленные здесь вопросы, очевидно, не предполагают однозначного, исчерпывающего ответа. Причины, по которым предпочтение в том или ином случае отдавалось иностранному имени, могли быть достаточно разнообразными (ср.: [Meldgaard 1994]). Совершенно ясно, например, что значительную роль здесь играли матримониальные связи (как внешние, так и внутренние, т. е. межскандинавские), благодаря которым новые имена распространялись и тиражировались по всей Скандинавии, вплоть до Исландии.

При рассмотрении вопроса о распространении христианских имен нельзя не учитывать, как кажется, и многих других факторов, таких как спонтанное возникновение моды на иностранные имена, подчеркнутая ориентация на континентальную или любую иную культурную модель, наконец, просто набожность отдельных представителей правящего рода...

Хотелось бы, однако, обратить внимание на еще один аспект интересующей нас проблемы. В королевском роду имя — как традиционное (исконно скандинавское), так и иностранное (христианское) — было важным средством, с помощью которого родители (прежде всего отец ребенка) могли регулировать династическую судьбу новорожденного.

Хотел ли отец закрепить за ним право на престол или, напротив, лишить его этого права, стремился ли он укрепить родственные связи с кем-то из новоприобретенной родни или подчеркнуть связь с кем-либо из знаменитых предков, пытался ли он как-то иначе определить место своего потомка в роду, — он использовал имя для демонстрации своей воли.

Вообще говоря, указывать с помощью имени, какая участь уготована ребенку, было принято во многих правящих домах Европы. Следы архаической веры в переселение душ родичей могли сочетаться здесь с обычаями, возникающими в новую христианскую эпоху. Так, о норвежском конунге Олаве Святом ходили слухи, что он является новым воплощением другого Олава, своего предка, Олава Альва Гейрстадира⁶. С другой стороны, известно, например, что у баварских и саксонских герцогов X—XI вв. существовал обычай давать имена Видукинд и Брун тем детям, которые предназначались только для церковной карьеры (см. подробнее: [Althoff 1997, 134–136]).

Этот отпечаток личной воли монарха, судя по всему, был весьма значим в глазах современников: человек, обладающий «правильным», подобающим, именем, обладал и большим правом на престол⁷. Не случайно претенденты на престол, чья принадлежность к королевскому роду была спорной, могли менять имя или брать себе дополнительное, дабы придать своим притязаниям на власть большую легитимность⁸.

В каждом конкретном случае выбор имени был делом индивидуальным. Тем не менее, существовали, на наш взгляд, и типовые модели выбора имени, использовавшиеся в зависимости от того,

какая участь готовилась ребенку. Наречение христианским именем было одним из знаков, придающих династической судьбе ребенка особый оттенок. Чрезвычайную важность приобретало имя в судьбе королевских побочных детей, оказавшихся невольными распространителями христианских имен в правящих династиях. Именно здесь особенно ясно просматриваются механизмы тонкой настройки, с помощью которых скандинавские конунги пытались регулировать династические отношения.

В средневековой Скандинавии появление побочного сына у конунга создавало новые возможности при выборе имени для ребенка. При наречении незаконнорожденного, по-видимому, допускались существенно большие отступления от традиции, нежели при наречении ребенка, рожденного законной женой.

Выбор имени для легитимного наследника во многом был предопределен заранее — представитель династии должен был быть назван в честь деда, прадеда или другого близкого родича по отцовской линии, причем в интересах правящей семьи было обеспечить максимальную прозрачность выбора. Напротив, выбор имени для побочного сына не был в такой степени стеснен и регламентирован династической традицией. Незаконнорожденный, в принципе, мог быть назван новым именем, никак не ассоциировавшимся с набором личных имен, принятых в королевском роду. Иначе говоря, побочный ребенок зачастую получал имя, свободное от явных династических реминисценций.

В качестве такового, лишённого отсылки к истории рода, наименования в Норвегии — и, шире, в Скандинавии — нередко выступали христианские имена иностранного происхождения. Именно их и получали, судя по всему, многие незаконнорожденные дети конунгов. Здесь необходимо отметить, что проблема законного и незаконного происхождения встает с такой остротой именно с момента принятия христианства. Церковная регуляция матримониальных отношений, запрет на многоженство впервые четко противопоставили положение детей, рожденных в законном браке и положение детей, появившихся на свет вне брака.

Таким образом, распространение иностранных (христианских) имен и появление статуса побочного ребенка приходится на один и тот же период и оказываются тесно связанными между собой.

По-видимому, с момента принятия христианства рождение в законном браке в большинстве европейских королевских домов

становится едва ли не непременным условием для восшествия на престол, хотя, конечно, и здесь были свои исключения. Ранее у древних германцев или, шире, в варварских королевствах обычным делом было предоставление равных прав законным и незаконным сыновьям⁹.

Четкое противопоставление законных и незаконных детей, пришедшее в Скандинавию вместе с христианством, очевидно, не могло не повлиять на порядок престолонаследия. Специфика скандинавской ситуации заключается в том, что разделение прав и полномочий между законными и побочными детьми еще долгое время проводилось не так жестко. На протяжении XI—XII вв., в частности, более половины норвежских конунгов — побочные дети. Видимо, в это время в представлении норвежцев конунг должен быть сыном конунга, и, хотя законное происхождение правителя считалось нормой, а бастард на троне — некоторым отклонением от нее, такое отклонение было более допустимым, чем в большинстве европейских стран. Характерно, в частности, что в эпоху самозванцев в XII в. в Норвегии большинство претендентов на престол объявляло себя именно побочными сыновьями конунга.

Практика наречения бастардов христианскими именами сохранялась даже тогда, когда уже стерлась сама острота противопоставления языческого и христианского имени, предположительно в том или ином виде имевшая место в Скандинавии сразу после христианизации. В XII в., например, датский конунг Вальдемар Великий (1157—1182)¹⁰ называет своего внебрачного сына (по-видимому, первенца) Христофор (Kristóforús) [Knýt., 242, 287], именем, до сих пор не представленным в королевском роду, тогда как старший из его законных сыновей и наследник престола получает традиционное династическое имя Кнут¹¹ [Ibid., 287].

Подобная длительная сохранность этого принципа именнаяречения свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для династической традиции было актуально прежде всего различие исконного и иностранного имени. Бастард, очевидно, мог получить христианское имя еще в XII или в XIII в. в силу его чужеродности и экзотичности в обиходе правящего рода, а не в скандинавском антропонимиконе вообще¹².

Личный выбор конунга — в том, что касалось дальнейшей судьбы его династии, — играл немалую роль в Скандинавии. Дело в том, что реальная необходимость выбора постоянно существовала:

с одной стороны, наследование власти могло осуществляться как от брата к брату (по горизонтали), так и от отца к сыну (по вертикали), а с другой стороны, права законнорожденного и незаконнорожденного сыновей конунга на наследство (и, в частности, на престол) отличались не слишком сильно.

Исключение бастарда из права наследования престола появляется в Норвегии лишь во второй половине XII века (ср.: [NGL, I, 3]), причем характерно, что число самозванцев, выдающих себя за побочных детей конунгов, с этого момента только возрастает — по-видимому, права таких претендентов на престол по-прежнему поддерживаются традицией.

Ситуацию же с «вертикальным» и «горизонтальным» наследованием престола можно было бы охарактеризовать следующим образом: на протяжении нескольких столетий «вертикальный» (от отца к сыну) принцип постепенно, шаг за шагом, вытесняет «горизонтальный» (от брата к брату), но ни в какой период невозможно говорить о полном и окончательном торжестве одного принципа над другим.

Таким образом, называя ребенка тем или иным именем, конунг, в сущности, решал сложную династическую задачу. Это решение всякий раз носило, разумеется, индивидуальный характер. Тому, кого прочли в наследники, нужно было дать «правильное» имя, то есть имя, с одной стороны, не выходящее за пределы традиции и, с другой стороны, соответствующее его положению в роду. Так, если отец хотел закрепить право наследования за бастардом, то он мог действовать иначе, чем в случае с законным сыном. Никаких четко определенных правил, по которым полагалось действовать в конкретной ситуации, по-видимому, не существовало. Каждый акт наименования, каждый выбор династической судьбы — в известном смысле уникален. Тем не менее, в скандинавской традиции существовало, на наш взгляд, несколько устойчивых, воспроизводимых моделей, по которым осуществлялся выбор. Определить происхождение образца, которым пользуются для решения определенной династической задачи, зачастую довольно сложно.

Лучшая сохранность исторических сведений о норвежской династии дает больший материал для анализа подобных моделей, а те сведения, которыми мы располагаем о Швеции и Дании, позволяют говорить об общескандинавской практике с небольшими расхождениями на уровне местной традиции.